

Identity of Education: between the Author and the Reader...
Isaev A. (Russian Federation)
Самобытность образования: между Автором и Читателем...
Исаев А. А. (Российская Федерация)

*Исаев Александр Александрович / Isaev Alexander - доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и права,
Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, г. Сургут*

Аннотация: *современным миром правят образование или страх. И одного не должно быть в другом. Автор умер; читатель еще жив, но дышит на ладан. Западный университет умер. Все, кто остался – в страхе перед близкой кончиной. Но кончина – это исключительно собственный опыт; как и образование...*

Abstract: *the modern world is governing by the education and the terror. And the one mustn't be in the other. The Author had died; the Reader is living yet, but he is on his last legs. The west university had died. Who had stayed are in the angst ante close mortem. But the mortem is exclusively own experience just as an education...*

Ключевые слова: *образование, страх, Смерть Автора, смерть Читателя, смерть (западного) Университета, бедные, бедные люди...*

Keywords: *education, angst, death of the Author, death of the Reader, death of the (west) University, poor, poor people...*

Современным миром правят образование и страх, точнее, образование или страх. И если это так, то было бы лучше, если бы они не смешивались или, точнее, чтобы одного не было в другом. По-видимому, современные авторы, выслушав эдикт Р. Барта [1], пустились во все тяжкие и перестали жалеть читателя. Становление экранной культуры, которое происходит на наших глазах со скоростью, готовой поспорить за первенство со скоростью света. По-видимому, нам осталось не так долго ждать и смерти Читателя. Эпитафия, а дело без сомнения будет происходить и в нашей, когда-то самой читающей стране, могла бы начаться таким словами: «Ридер (для особо «продвинутых» – Read-only User) – почил в бозе, не пережив смерти Автора...» Вот с университетом сложнее: «Западный университет умер» [2]. «Западный...» Ну вот и рецидив: не могут удержаться современные авторы, чтобы не смешать страх и образование. Самое время с благодарностью вспомнить реплику магистра русской истории П. Н. Милюкова, выступавшего против стремления России усидеть на двух стульях... Правда, она (Россия) не прислушалась, видимо, усмотрев брэнность в регалиях блестящего ученика В. О. Ключевского – Министра иностранных дел Временного правительства... Но лучше, конечно, об этом высказался «наше всё» – constant'a национального самосознания А. С. Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» [3]. Что до урока миру, который призвана дать Россия, то рефрен эссеистики П. Я. Чаадаева мы помним: не Европа мы, не Запад... Однако, учитывая эдикт Р. Барнетта, нет худа без добра: будь мы Западом, да в западном университете... Диагноз «Западный университет умер» прозвучал в зачине инаугурационной профессорской лекции Рональда Барнетта, прочитанной им в Институте образования Лондонского университета 25 октября 1997 г. При нашей-то любви к экспатам как не впечатлиться? Р. Барнетт, конечно, круто начал – такое запоминается: никаких тебе Cogito ergo sum... Просто – умер. Значит (или, следовательно?), не существует. И что тогда остается человеку, если оплот образования приказал долго жить? Только страх. Вполне возможно, что заслышав осыпающийся шорох вердикта Р. Барнетта, кто-то, оказавшись в Лондонском университете в день инаугурационной лекции поблизости от лектора, может даже ущипнул себя или, по привычке, используя мысль как критерий существования, попробовал помыслить «мысль» Р. Барнетта и почему-то не смог, а затем смиренно, как и предписывал Р. Декарт, методом «от противного» пришел к выводу, что и он (не Декарт) не существует... Страшно. Вот она наука – сама неотвратимость. Лондон. Объективность, которой покоряется и пресловутый туман. Незыблемость традиций. Респектабельность как отрывка колониального мышления. Можно. Но продолжит профессор Р. Барнетт свою лекцию еще круче – цитируя «Состояние постмодерна» Ф. Лиотара по вторичным источникам... Как там говорил философ: бог ничего не делает по необходимости, но он все делает необходимым. Мысль вот в чем (она не оставляет впечатление дискурсивного совершенства, но и не имеет отношения к тому, что англосаксы называют «jingoism»); любят и они «измы» не меньше нашего, недаром в свое время приютили К. Маркса... – толерантность, проверенная временем): нужно успокоиться и принять простую в общем-то необходимость: в тот момент, когда ты – автор, быть автором; когда – читатель, быть читателем; когда ты – профессор, быть профессором; душа твоя, тем самым, не должна рваться к рейтингам и прочему совершенству (вспомните, в этом смысле Б.

Ридинга¹ [4], его исследование идеи совершенства и того, какой вред она нанесла университетскому образованию; нелишне, кстати, вспомнить и европейских профессоров и прочих англосаксов с их колониальным мышлением, которые придумали irrelevantный для нас Болонский процесс, а для себя – удобное кредо: «Не спеши! Не носи тяжелое! Не суетись!». В пользу поведенческого эпохэ как принципа преподавания в эпоху всеобщего зуда реформаторства свидетельствует и неотвратимость истины: путь в Аид отовсюду один и тот же² [5]. Весьма убедительное наблюдение, не имеющее ничего общего с нагнетанием того страха, который, помимо территории, – но, вспомните, Мадлен Олбрайт... – остался единственной «причиной», которая нас объединяет. И это наблюдение должно было бы конструктивно повлиять на нашу профессиональную мотивацию. Перманентные реформы средней и высшей школы в постсоветской России; введение ЕГЭ, немедленно превратившегося из инструмента борьбы с коррупцией в ее «полупроводника»; «утечка мозгов»; превышение количества абитуриентов вузов над выпускниками школ и т. п. В дополнение к перечисленному и не перечисленному – стремление функционеров от образования свести необходимость оценки качества образования и преподавания к количественным измерениям, а, проще, к неким измерениям вообще (рейтинги; publish-or-perish; и прочая...) – по-видимому, в надежде, что количество превратится в качество само по себе – неким внезапным «скачком»; наверное, родовая травма диамата...

Самобытность – это проблема для отечественного университета, но это проблема и для множества других вещей. Отечественный университет, как и науку во многом, создали немцы – да, те самые... Что могло быть хуже! Ну хотя бы французы... так нет – немцы. Более неподходящей для русского и подходящей для науки методы (миссии) трудно придумать. Отчего и делается наша наука и даже Humanitaria при посредстве такого жуткого нечеловеческого языка, словно ученые – это механические куклы, словно наука – это нечто раз и навсегда обособленное, неживое и лишенное способности к изменению. Чем хуже, к примеру, Х. Ортега-и-Гассет, который, с присущим ему темпераментом честности, говорит языком самой жизни: деятельность без ясного понимания миссии университета и миссии образования вообще – такая же горькая штука, как безответная любовь... Понятно же отсюда, что такое университет и его предназначение! Потому что каждому понятно, что такое любовь... Это, прежде всего, свобода: и вновь, Августин Аврелий: «Dilige et quod vis fac...», – что важно еще и потому, что человек, ворвавшись в эпоху WEB'a, переживает еще одну утрату – утрату Privacy и совсем не известно, не будет ли это последней каплей антропологической катастрофы, к которой человечество неумолимо сползает, начиная с 1914 г.

В преддверии то ли реформы, то ли гибели (не забывайте эпикриз профессора Р. Барнетта...) University, прежде всего, нужно задаться вопросом: «Для чего здесь³ [6] существует и должен существовать университет?» Но это – неудобный вопрос, и вряд ли он кому-то понравится; человек ленив, и над ним довлеет закон сохранения энергии, эмоций и массы веществ (в последнем случае возможны исключения), поэтому он не склонен тратить свои и без того не бесконечные силы на преобразование университета, в том числе и того, где его врасплох застало крепостное право. Поэтому человек дает одинаковый, «удобный и стерильный»⁴ ответ на этот вопрос, независимо от того, где и даже когда он живет – «университеты передовых стран...» [7]. Впрочем, Ортега как философ слишком независим, чтобы удовлетвориться очевидным, сказал же другой философ в несколько иные времена: философия – это попытка помыслить очевидность...: «Я не отрицаю, – говорит Ортега, – что обращение к ближайшим примерам способно многому научить нас, напротив, это нужно делать, но это не избавляет

---

¹Б. Ридингс – автор исследования «The University in Ruins» (1996), представляющего диагностику социокультурных трансформаций Университета как социального и культурного института (См.: Ридингс Б.. Университет в руинах / Пер. с англ. А. М. Корбута. – М.: ВШЭ, 2010).

² См.: Анаксагор – умирающему на чужбине: «Спуск в Аид отовсюду одинаков», – см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. С. 96.

³ В этом вопросе Ортеги имеется в виду, конечно же, его любимая Испания, но нам-то – случайным попутчикам экранной культуры, затерянным в снегах и бескрайних просторах провинциальной университетской культуры, разве это не безразлично? Мы с полным правом человека, который, как полагал философ, может помыслить чужую мысль лучше, чем сам ее автор, можем отнести данный вопрос к самим себе. Сам же ведь Ортега говорил, что жизнь – это выстрел в упор: скажи, где ты живешь, и я скажу, кто ты...

⁴ Это еще более сближает нас с Ортегой, поощряя экономическое поведение и неискоренимое стремление жить за чужой счет, – см.: Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута; ГУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 61.

нас от необходимости определиться с собственным предназначением. Я не имею в виду «исконность» и прочие глупости», но «*подражание было бы смерти подобно*» (курсив мой. – А. И.) [8]. Эта ситуация требует рационального подхода, но такого, который бы содержал в себе и требования этического свойства, продиктованные, в частности, чувством меры. Равновесие между подражанием и исконностью труднодостижимо, а радикальный выбор попросту невозможен; при этом исконность, в особенности в Испании, как считает Ортега, означает «деревенские замашки». Если не учитывать фактор временного отстояния, то в нашей российской действительности подобная исконность означает не что иное как провинциальность. Не нужно путать такого рода исконность (провинциальность) с необходимостью своего пути: «Неважно, если мы придем к тем же выводам и формам, что и другие страны; важно, что мы придем к этому *сами*, в результате личной встречи с той же проблемой» (к курсив мой. – А. И.) [8]. Не нужно безоговорочно принимать чужие образцы в качестве институциональных моделей национального образования, копировать английские школы и немецкое высшее образование; что до аналогии с родными пенатами, то очевидно, что российское правящее сословие, сложившееся на рубеже XX–XXI вв., и не думало привозить английские школы в провинциальную Россию, оно предпочло обучать своих отпрысков колониальному мышлению непосредственно на территории The Foggy Albion; что до немецкого университета, то в России, с одной стороны, он и изначально был «образцом» отечественного университетского образования, а с другой стороны, он сильно сдал свои позиции в системе ценностей российской власти. Не забывая, что от любви до ненависти и обратно один шаг, сами российские политики от образования сейчас все больше ненавидят Америку, внушая необразованному сословию страх перед The Ivy League. Очередное возвращение к «исконности» и патриотизму: бедный, бедный А. С. Пушкин... Но разница все же есть: теперь не розги, а проповеди об экономии на еде от косноязычных двоечников из списка Forbes, пожертвовавших для нашего просвещения жизнью в туманном Альбионе. Вот уж у кого нет страха, правда, и приличного образования тоже, т. е. ничего, кроме денег. Бедные, бедные люди...

Литература

1. *Барт Р.* Смерть автора // Его же. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994.
2. *Барнетт Р.* Осмысление университета / Пер. Р. Гайлевича // Образование в современной культуре: Университет в перспективе развития / Под ред. М.А. Гусаковского. – Мн.: ПроPILEI, 2001. С. 97–128.
3. *Пушкин А. С.* Письмо П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 г. Из Пскова в Петербург // Его же. Собр. соч. В 10 тт. Т. 9. М.: Худ. лит-ра, 1962. С. 232.
4. *Ридингс Б.* Университет в руинах / Пер. с англ. А. М. Корбута. – М.: ВШЭ, 2010.
5. *Диоген Лаэртский* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. С. 96.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута; ГУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 61.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута; ГУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 61.